

Удивительная сила новой привязанности

Проповедь Томаса Чалмерса*

Не любите мира, ни того, что в мире: кто
любит мир, в том нет любви Отчей.

1 Ин. 2:15

***Моралист не сможет изгнать любовь
к миру, только размышляя о зле,
существующем в мире. Привязанность
к миру можно устранить лишь силой
привязанности к Евангелию.***

Есть два способа, при помощи которых моралист может попытаться избавить человеческое сердце от любви к миру: он либо может попробовать показать суетность мира и тем самым убедить человека не любить того, что не достойно любви, либо предложить другой, более достойный предмет почитания, например Бога, и тогда человек не просто отбросит старую привязанность, на смену которой ничего не придет, а заменит старую на новую. Моя цель — доказать, что первый способ в силу устройства человеческой природы не может привести к желаемому результату, и что только второй способ может спасти человеческое сердце от губительной привязанности, которая поработила его. Достигнув этой цели, я затем поделюсь некоторыми практическими соображениями.

---

* **Томас Чалмерс** (1780–1847), пастор и богослов Свободной церкви Шотландии, считается одним из величайших церковных лидеров Шотландии в XIX в. Это – одна из наиболее известных его проповедей. Она и по сей день сохраняет свою актуальность для всех, кто занимается пасторским и душепопечительским служением.

Приходская церковь в Анструтере,
родине Чалмерса

Существует два вида любви. Первый возникает тогда, когда предмет любви находится на расстоянии; в таком случае любовь есть желание. Второй появляется тогда, когда предмет любви находится в нашем распоряжении; тогда любовь есть наслаждение. Движимый желанием, человек отправляется в путь, посвящает себя какой-либо деятельности с целью удовлетворить желание. Его разум начинает работать на полную мощность. Поступательно приближаясь к одной великой и всепоглощающей цели, он не позволяет себе отвлекаться на мелочи, которые иначе привлекли бы его внимание. Он не позволяет своему телу лениться, но напротив мобилизует свои физические силы. Он не тратит времени понапрасну, а всегда занят каким-то делом, но не будь у него сильного и целенаправленного устремления, он бы терял время попусту из-за усталости и разочарования. И хотя иногда надежда может покидать его и не всегда его ждет успех в конце пути, все же пока он идет по нему, несмотря на все неудачи, весь сложный человеческий механизм находится в рабочем состоянии и выполняет свое предназначение. Если же в результате утраты желания, приводящего человека в движение, механизм останавливается и не получает нового импульса от другого желания, пришедшего на смену утраченного, человек, со всей своей тягой к действию, оказывается в болезненном и неестественном состоянии недееспособности. Человек страдает и терзается, если, отдохнув или избавившись от боли, он обладает силой к действию, но у него нет стимула

действовать; обладает способностью желать, но у него нет предмета желания; обладает энергией, но ему некуда ее направить и ничто не побуждает его расходовать ее. В таком жалком состоянии оказывается, например, человек, продавший свой бизнес или завершивший адвокатскую карьеру, или прекративший охотиться, или отказавшийся от азартных игр. Человеческая природа требует объекта устремления, поэтому никакой успех прошлого не может отменить этого требования, поэтому когда самый успешный бизнесмен или не знавший поражений генерал, или удачливый игрок прекращают привычные для них занятия, то, хотя их и окружает большое имение, они терзаются, не находят себе покоя и радость покидает их. Таким образом, бессмысленно пытаться лишить человека, обладающего склонностью к действию, одного стимула к действию, не предоставляя другого. И сердце, и привычка восстанут против такой попытки. Праздная женщина, проводящая вечера за карточной игрой, знает, что выигрыш денег или торжество победы стоят немного. Но даже если вы убедите ее в суетности ее занятия, вы не заставите ее оставить того, что ей приятно и привычно. Не бывает так, что привычка исчезает и вместо нее остается пустота. Привычку можно изменить, лишь заменив ее привычкой делать что-то другое, привычкой, возникающей под действием нового устремления. Например, игра в карты будет отложена в тот вечер, когда женщине понадобится приготовить к приему гостей.

Старые пристрастия можно более успешно изгнать новой привязанностью, чем попыткой устранить их, не предлагая взамен чего-то лучшего.

Превосходящая сила новой привязанности сможет совершить то, чего не совершит никакая критика старого, пусть даже пустого и глупого, пристрастия. Это относится ко всему в мире. Невозможно заставить человека отказаться от самых привлекательных

предложений мира, просто показывая их суетность. Если человек и откажется от них, то только ради чего-то другого. Пытаясь вынудить достойного человека, сосредоточенного на интересных ему занятиях, ничего не делать, вы столкнетесь не только с тем, что он приписывает каким-то занятиям большую ценность, но и с тем, что ему приносит удовольствие сам процесс понравившейся ему деятельности. Поэтому не достаточно указать на то, что дорогие ему предметы и занятия на самом деле пусты. Вы должны представить его мысленному взору другой объект, обладающий такой ценностью, что он сможет отбросить старую привязанность и заняться чем-то другим, настолько же интересным и ценным для него, как и то, чем он дорожил раньше. Ввиду этого уничтожение мира и мирских занятий само по себе ни к чему не приведет. Человек не согласится остаться без предмета устремлений, пусть даже этот предмет маловажен, или отказаться от какого-то занятия, пусть оно и проводит к пустому приобретению, точно так же, как он добровольно не пойдет на пытку, пусть даже непродолжительную. Если не иметь предмета устремления и не заниматься никакой деятельностью невыносимо и противоестественно для человека, тогда существующее устремление и соответствующее ему занятие невозможно прекратить устранением желанного предмета. Необходимы новый желанный предмет и новая деятельность, поэтому самый верный способ отвратить разум от какого-либо объекта состоит не в том, что заставить разум смотреть в пустоту и мрак, а в том, чтобы представить разуму другой, еще более привлекательный объект.

**Первая церковь Чалмерса в Килмани,
рядом с Сент-Эндрюс**

Сказанное выше справедливо не только в отношении любви-желания, когда человек еще не обладает желанным предметом, но и в отношении любви-наслаждения, когда человек уже обладает желанным предметом. Редко наши вкусы меняются сами по себе. По крайней мере, одного интеллектуального убеждения для этого обычно недостаточно. Мы можем отказаться от чего-то, потому что оно нам просто наскучило, приелось, но редко мы отказываемся от того, что ценим, в результате логических рассуждений. Однако то, что не уходит само по себе, может быть вымещено: одна привязанность может быть вытолкнута другой и в результате полностью потерять над нами власть. Таким образом, например, мальчик отказывается от своих детских игр. У него появляются интересы взрослого мужчины, поэтому он уже не находит удовольствия в игре. Идол богатства приобретает силу и занимает господствующее положение, любовь к деньгам поработает многих успешных людей. А быть может, он увлечен водоворотом политики, в его системе ценностей появляется то, чего в ней раньше не было — жажда власти. В процессе подобных перемен сердце никогда не остается без предмета желания. Пристрастие к какому-то определенному предмету или занятию может быть побеждено, но само желание обладать чем-либо неистребимо. Поэтому внимание, с которым человек относится к тому, что ему дорого, не может быть рассредоточено простым устранением объекта внимания. Внимание

необходимо переключить на что-то другое, что обладает для человека еще большей ценностью. Такова природа человеческой привязанности, что люди всегда должны быть к чему-то устремлены, что кража предмета желания без замены чем-то другим приводит разум в такое же состояние опустошенности и муки, которое испытывает тело, лишенное пищи. Разум можно лишить того или иного предмета внимания, но его нельзя оставить в вакууме. Конечно, человек продолжит дышать, а его сердце продолжит биться, но если рядом не будет ничего ценного и дорогого сердцу, если разум будет находиться как бы в пустыне, то он будет тяготиться самосозерцанием, и такое состояние для человека будет невыносимым. Ему будет безразлично, находится ли он посреди цветущей природы или на краю мира среди камней в безлюдной пустыне. Сердцу необходимо что-то любить, поэтому никогда человек по доброй воле не согласится лишить себя всех привязанностей и не оставить себе ничего, что было бы мило его взору.

Семья Чалмерса

***Полное удовлетворение всех желаний
приводит к пресыщению миром.***

Пример человека, лишенного возможности направить свое желание на что-то дорогое его сердцу, мы неожиданно находим в том, кто настолько погрузился во всевозможные удовольствия и развлечения, что он уже не в состоянии ощущать удовлетворение от чего-либо. Скука, вызванная пресыщением, более характерна для

французских городов, где высший класс безгранично предаётся развлечениям, чем для городов Британии, где желание сердца может быть направлено также и на предпринимательство, и на политику. Например, модники становятся жертвами излишества в одежде. Пресыщенные самыми различными фасонами, они не знают, от чего еще получить удовольствие. Они испробовали все — и простое, и вычурное — и теперь с некоторым отвращением смотрят на одежду. Они до изнеможения получали удовольствие от роскоши и, не имея более возвышенных устремлений, наконец пришли к концу своего пути, подобно Соломону, все почитая суетой. Можно поручиться, что человек, чье сердце таким образом оказалось в пустоте, будет страдать, пока привязанность, вырванная из его груди, не будет заменена другим пристрастием. Совсем необязательно причинять человеку боль, чтобы сделать его несчастным. Достаточно того, чтобы все, окружающее его, вызывало у него скуку. Наивысшие душевные страдания вы найдете не в том доме, где содержатся выжившие из ума, не среди тех, чьи чувства и разум повреждены и кто кричит и днем и по ночам, а среди тех, кто ни в природе, ни в человеческом обществе не находит ничего, что могло бы заинтересовать его или привлечь его внимание. Такие люди превосходят всех остальных в мере своего несчастья. Такие люди не ведают ни на земле, ни на небе ничего, что могло бы восхитить их сердце и заставить его стремиться к предмету восхищения. Для таких людей мир — огромная и бесплодная пустыня, поэтому им остается лишь их собственное сознание, глухое к окружающему миру и терзающееся от собственного бесцельного и бездеятельного существования.

***Волевого решения недостаточно,
чтобы избавиться от привязанности
и при этом оставить на ее месте
пустоту.***

Уже должно было стать понятно, почему сердце так упрямо держится за

свои привязанности, когда их пытаются отобрать, ничего не предлагая взамен. Сердце не хочет остаться в пустоте. Сильный, живущий в сердце, может уступить свое жилище другому, но только в том случае, если этот другой обладает большей силой, а иначе первый сохранит жилище для себя. Сердце сопротивляется пустоте. Ему невыносимо безрадостное состояние оставленности и безжизненности. Моралист, пытающийся таким образом искоренить пагубные пристрастия, терпит неудачу из-за этого механизма самозащиты. Говорят, что природа не терпит пустоты. Сердце тоже. Его поочередно могут заселять разные привязанности, но если оно остается пустым, то это приводит к невыносимым страданиям. Недостаточно показать человеку при помощи логичных и убедительных доводов, что предмет его желания иллюзорен. Мало рассказать о том, что за привязанность к иллюзии придется дорого заплатить. Сердце все равно откажется подчиниться, потому что подчинение приведет к такому подавлению всяческого желания, что оно будет равносильно голодной смерти. Лишить сердце привязанности — значит оставить его в пустоте и безнадежности, поэтому единственная сила, достаточная для изгнания старого пристрастия, — это сила новой привязанности.

**Сент-Эндрюс, здесь началось служение
ученичества Чалмерса**

Я не знаю более сильного осуждения естественных пристрастий, чем произнесенное апостолом в прочитанном нами стихе. Побуждать человека, в котором еще не действует великая и возвышенная сила возрождения, — значит побуждать его

перестать любить все то, что есть в мире, то есть пытаться лишить его всех привязанностей его сердца. Мир — это все, что есть у невозрожденного человека. У него нет ни пристрастия, ни желания, которое бы не устремлялось к чему-либо в видимом мире. Он не ведает ничего, что выходило бы за пределы мира, да он и не желает выходить за его пределы. Побуждать такого человека не любить мир — значит вынести приговор всему, что только есть в его сердце. Чтобы понять невыполнимость такого приговора, мы должны только понять, что убеждать такого человека перестать любить богатство равносильно тому, чтобы призывать его поджечь собственный дом. Под страхом смерти он может и решится на такой шаг, но он будет для него мукой и страданием. В то же время он без промедления сжег бы свой дом, если бы знал, что после этого тут же получит другой дом, чья стоимость будет превышать сожженный в десять раз. В таком случае он не просто расстается со старой привязанностью, а заменяет ее на новую. Но лишить его сердце любви к мирскому, не предлагая другую любовь взамен, значит поступить с ним настолько же жестоко и противоестественно, как и отобрать у него все его мирское имение и ничего не предоставить вместо этого. Таким образом, если не любить мир — это непременное условие христианской веры, тогда метафора распятия ветхого человека совсем не является преувеличением, а верно описывает изменение в его жизни, когда все старое уходит, а на его место приходит все новое.

Надеюсь, теперь вы понимаете, почему ничего нельзя добиться, просто доказывая, что мир суетен. Единственный результат таких усилий заключается в том, что сердце оказывается в невыносимом состоянии наготы и лишения. Вы, возможно, знаете, с каким рвением и упоением сердце может предаваться тем занятиям, о пагубности которых оно вздыхало и плакало еще вчера. Краткость и мимолетность вашей жизни могла произвести на вас сильнейшее

впечатление в воскресенье, когда проповедник призывал вас представить себя на смертном одре и увидеть оттуда всю бесцельность и бессмысленность земных устремлений. И вот, видя перед собой картины целых поколений людей, поглощенных могилой, в которой также хоронят навсегда все радости и восторги этого мира, вы, тронутые и одухотворенные проповедью, чувствуете, что вот-вот освободитесь от мирской суеты. Но наступает следующий день, а вместе с ним приходят мирские заботы, мирские предметы, мирские влияния — и сердечные механизмы, настроенные на то, чтобы обязательно к чему-то привязываться, начинают неизбежно работать по-старому; и сердце, страшась холода пустоты, когда нет ни наслаждения, ни желания, ищет тепла привычных привязанностей. Мы говорим о человеке, в жизни которого никогда не было никаких признаков возрождения. Для такого человека церковь не школа послушания, а место развлечения, где он может испытать глубокие, но мимолетные чувства. Что же касается проповеди, то даже если она сильна собрать толпы народа, способна заставить людей слушать, может вызвать эмоциональные переживания и отличается энергичностью и образностью, она не обязательно сильна крушить твердыни.

Нью-Колледж в Эдинбурге,
где Чалмерс преподавал с 1828 по 1843.

***Недостаточно понимать суетность
мира, необходимо ценить то, что
имеет отношение к Богу.***

Любовь к миру нельзя изгнать простым доказательством суетности мира. Но разве нельзя заменить ее любовью к чему-то более достойному? Сердце не может просто отказаться от мира. Но разве сердце не уступит и не отдаст свою любовь тому, кто превзойдет мир и низвергнет его с его возвышенного положения? Если престол обязательно должен быть занят и его узурпировал тиран, то сердце скорее сохранит власть узурпатора, чем останется пустым. Но разве оно не уступит место законному правителю, который покажет свое превосходство и тем самым убедит принять его и отдать ему власть над собой? Одним словом, если для того, чтобы человек перестал любить что-то дорогое ему, надо привить ему любовь к чему-то другому, значит, не критикой первого, а описанием достоинств другого можно покончить со старым и сделать все новым.

Чалмерс в расцвете своего служения

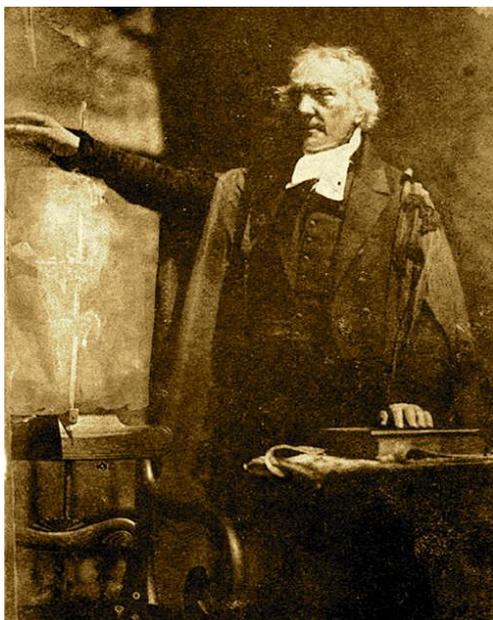
Устранить все нынешние привязанности просто уничтожив их и оставив их место незанятым означает похоронить старую личность, не создав при этом новую. Но когда они уходят под напором новых пристрастий, когда старые жители покидают привычное место, потому что приходят новые поселенцы, когда, оставляя сердце, они уступают его своим преемникам, которые

сохраняют его как место жительства сильных желаний, устремлений и надежд, тогда это не противоречит нашей рациональной природе, и мы видим, как в полном соответствии с законами и механизмами сердца может произойти великая нравственная революция.

Любовь к Богу и любовь к миру несовместимы.

Надеюсь, я смог объяснить, как действует сила, сопровождающая действенную проповедь Евангелия. Любовь к Богу и любовь к миру — две привязанности, которые не просто конкурируют между собой, а ведут войну друг с другом. Они непримиримые враги, поэтому не могут ужиться в одной груди. Мы уже говорили о том, что сердце, в силу своего устройства, не может отказаться от мира и остаться в пустоте. Только сила новой привязанности может вытеснить из сердца старую привязанность. Нет другого подобного повеления, которое бы требовало такой коренной перестройки личности, как призыв Нового Завета не любить мир и того, что в мире, потому что эти слова охватывают все, что дорого человеку, а значит, равносильны призыву к самоуничтожению. Впрочем, откровение, требующее от нас такого великого послушания, также дает нам не менее великий инструмент послушания. Оно подводит к самым дверям нашего сердца привязанность, которая, заняв престол, либо полностью подчиняет себе предыдущих постояльцев сердца, либо изгоняет их. Рядом с миром откровение помещает перед нашим мысленным взором Того, кто сотворил мир, более того, оно показывает Бога в Евангелии таким образом, что мы не можем не любить такого Бога. В Евангелии, и только в Евангелии, Бог открывается грешникам как Тот, кому они могут довериться. Только благодаря Евангелию желание грешника быть с Богом не угашается чувством вины, которое встает на пути всякий раз, когда мы пытаемся приблизиться к Богу не через назначенного Им Посредника. Лишь благодаря этой надежде мы

приближаемся к Богу, а жить без надежды — значит жить без Бога и позволить миру занимать наивысшее место в сердце без Бога. Только Бог, постигнутый человеком во Христе, может помешать миру занять главенствующее положение. Только тогда, когда вид Бога, чьи законы мы нарушили, перестает внушать нам ужас и когда мы верой, которая также дарована Им, видим Его славу в лице Иисуса Христа и когда слышим Его голос, зовущий нас, убеждающий нас в Его благодати к людям, обещающий полное прощение всем, кто попросит о нем, и принятие по благодати, — только тогда любовь, сравнимая с любовью к миру и изгоняющая любовь к миру, впервые возникает в возрождающемся сердце.

«Покажите мне пастора, идущего к людям, и я покажу вам людей, идущих в церковь.»

Только тогда, когда человек освобождается от духа рабства, с которым любовь не может сосуществовать, и когда на нас, причисленных к детям Божиим по вере в Иисуса Христа, изливается дух усыновления — только тогда сердце, оказавшееся под влиянием одной великой и могучей привязанности, освобождается от тирании прошлых желаний. По-другому освобождение не может произойти. И вера, которая дается нам с небес как неперемное условие

оправдания грешника перед Богом, также является способом достижения величайших нравственных и духовных перемен в человеке, мертвом и невосприимчивом к любому другому методу воздействия.

Намного проще указывать на недостатки мира, чем провозглашать Евангелие.

Таким образом вы видим, какая проповедь будет наиболее эффективной. Недостаточно показать миру зеркало, в котором он увидит свои несовершенства. Недостаточно предоставить доказательства, пусть даже весьма убедительные, иллюзорности мирских удовольствий. Недостаточно, опираясь на свой опыт, напомнить своей совести о лукавстве сердца и обманчивости того, к чему сердце было привязано. Многие проповедники Евангелия не обладают природными дарами анализа и рассуждения, при помощи которых они могли бы нарисовать для вас правдивую и яркую картину падения нравов в обществе. Но именно то растление, которое он не способен проанализировать и описать, он способен устранить. Пусть же такой проповедник остается верен провозглашению Евангелия. Не будучи способным красочно описать состояние этого мира, он должен точно пересказывать то, что было поведано ему откровением о мире горнем. И не важно, что он не может, подобно великому писателю, едко высмеять мирскую суету. Пусть он не способен при помощи метких саркастических наблюдений выставить напоказ похоти мира, он способен при помощи евангельской вести искоренить эти похоти. Он не может сделать то, что делают другие: словно волшебным мановением руки, вывернуть наизнанку нашу личность со всеми ее скрытыми помышлениями и страстями. Но в его распоряжении есть истина, которая, подобно посоху Аарона, проникнув в сердце, поедает все его страсти. Пусть ему не дано описать все пороки ветхого человека, зато ему дана сила, которой он может уничтожить господствующие в

сердце желания и склонности и стать новым творением в Иисусе Христе, нашем Господе.

Эндрю Бонар, ученик, друг и соратник Чалмерса

Давайте же не будем прекращать использовать единственный инструмент эффективного воздействия на любовь к миру. Давайте искать все возможные методы прокладывания пути в наше сердце для любви к Тому, кто больше мира. Ради этого давайте прогоним тучу неверия, которая скрывает лицо Бога. И я хочу подчеркнуть, что Бог достоин вашей привязанности. Давайте и в форме благодарности, и в форме восхищения постоянно напоминать себе и другим, что Бог любви, создавший прекрасный план по спасению грешного мира, настолько явно показывает нам Свою бесконечную ценность для нас, что нам нужна только вера, только понимание, чтобы наши сердца вновь и вновь наполнялись любовью к Нему.

Позвольте мне сказать несколько слов о скептицизме мирского человека, который пытается оценить на основании своего богатого светского опыта возвышенные христианские учения. Он почитает возрождение невозможным, зная, насколько упрямо его сердце держится за временное, и видя, что люди вокруг него такие же приверженцы мирского, как и он сам. Он полагает, что учение о распятии ветхого человека и воскресении нового противоречит всему,

что он знает о подлинной человеческой природе. Такие люди твердо убеждены в собственной прозорливости и способности дать верную оценку тому, что предстает из взору в течение рабочей недели, поэтому они считают идею трансформации сердца, в результате которой оно постепенно умирает для всего преходящего и пробуждается к новому и растущему чувству любви к Богу, выдумкой воскресных проповедников. Такие люди сосредоточены на земных заботах, и до конца своих дней они пребывают в земных чувствах, желаниях и занятиях. А если их посещает мысль о смерти и другом существовании после нее, то они отказываются понимать, почему для подготовки к смерти необходимо такое радикальное изменение сердца, как рождение свыше. Они считают, что им вполне достаточно более или менее хорошо справляться с обязанностями по отношению к некоторым, близким им, людям. Они думают, что, выполнив свой семейный и общественный долг, который склонны принимать на себя люди, в чьем сердце никогда не было Бога, они будут в целостности и сохранности перемещены из этого мира, в котором они не имели ни малейшего отношения к Богу, в мир, в котором они всю вечность будут иметь дело главным образом именно с Богом. Они признают все, что говорится о быстротечности времени и о грядущем месте покоя. Но они противятся любому воздействию на свое сердце, требующему такого изменения его привязанностей, чтобы оно уже не находило во временных занятиях полного удовлетворения и успокоения. Они считают попытки такого воздействия эфемерными, и с видом мирских мудрецов, знающих настоящую жизнь, они говорят о бессмысленности призывов помышлять о горнем, жить верой, любить Бога и не любить мира, не полагаться на плоть, презирать земное и жить небесным.

Энн Чалмерс Ханна, дочь доктора Чалмерса и жена Уильяма Ханна, биографа Чалмерса.

Евангелие есть безумие для тех, кто рассматривает его плотскими глазами и разумом.

Теперь стоит сказать несколько слов о людях, которые отвергает духовное христианство и почитают его чем-то бесполезным и бессмысленным. Их скепсис по отношению к требованиям христианской веры полностью соответствует их скепсису по отношению к христианским доктринам. Неудивительно, что они считают требования Нового Завета невыполнимыми, ведь они даже не удосуживаются вникнуть в смысл новозаветных слов. Ни эти люди, ни кто-либо другой не могут освободить сердце от старых привязанностей, если только на помощь не придет вытесняющая сила новой привязанности. Этой новой привязанностью является любовь к Богу, и она не может появиться иначе, как в результате такого представления Бога человеку, которое привлечет сердце грешника к Нему. Предвзятость скептиков не позволяет их разуму увидеть это представление Бога. Они не видят любви Бога в том, что Он посылает Своего Сына в мир. Они не видят проявления Его милости к людям в том, что Он не пожалел Сына, а отдал Его на

смерть. Они не видят достаточности искупления и страданий Того, кто понес ношу, которую должны были понести грешники. Они не видят союза святости и сострадания в Боге, который открылся в том, что Бог прошел мимо беззаконий Своих созданий, но сделал это не без умиловления. Для них является необъяснимой тайной, как человек может перейти из естественного греховного состояния в состояние благочестия, но если бы они с верой посмотрели на Бога, явившегося во плоти, тайна благочестия была бы раскрыта для них. Все дело в том, что эти люди не могут избавиться от старых привязанностей, потому что им незнакомы те истины, которые могут взгреть новую привязанность. Они подобны сынам Изралиевым в Египте: когда тех заставили делать кирпичи без соломы, они не могли любить Бога. Но без любви к Богу не бывает изменения в привязанностях сердца. Заблуждение этих людей велико как в том, что они отвергают требования Евангелия как невыполнимые, так и в том, что они отрицают доктрины Евангелия как бессмысленные; однако любой духовный человек заметит (а духовный человек может судить других людей), что эти два типа заблуждения взаимосвязаны.

Истины Евангелия делают требования Евангелия предметом желания нашего сердца.

Если заблуждения взаимосвязаны, то истины, противостоящие им, тоже должны быть взаимосвязаны. Человек, верящий в определенные доктрины, с готовностью подчинится определенным требованиям христианской веры. Заповедь любить Бога может звучать странно для постороннего, но для христианина она звучит естественно, потому что Бог открылся ему как Бог мира, прощения, примирения и последующей свободы. Требование изгнать мир из сердца кажется невыполнимым для человека, которому нечем заменить мир, но оно не кажется таким тому, кто нашел в Боге защиту и удовлетворение. Призыв отнять свою

привязанность от земного равносильна приказу убить себя, если этот призыв обращен к человеку, который не знает, на что еще, кроме мира, можно направить свое желание; но тот же призыв не создает никакого затруднения для человека, кому открылась красота и слава небесного и который находит в небесном удовлетворение всем устремлениям своей души. Призыв смотреть не на видимое и не на временное равносильно полному затмению взора для человека, неспособного заглянуть за стену, которая отделяет мир греха от мира вечной радости; но душа человека, верующего в то, что Христос разрушил эту стену, наполняется восторгом, когда он с верой смотрит на невидимое и на вечное. Скажите человеку быть святым — и как он сможет сделать это, если мысль о святости ввергает его в пучину отчаяния? Совершенное на кресте искупление, примиряющее святого Законодателя и нарушителя закона, оказывает освящающее действие на сердце, и теперь, когда Бог рядом и в мире с ним, человек может уподобиться Ему в святости. Отделите заповедь от учения — и вы получите либо свод невыполнимых требований, либо мертвую ортодоксию. Соедините заповедь и учение — и истинный ученик Христа будет способен повиноваться силой знания. Мотив должен быть достаточен для действия. Послушание евангельским заповедям христианину под силу, потому что ему под силу понять и принять евангельское учение. Христианин вооружается щитом веры, надеждой спасения, Словом Божьим, подпоясывается истиной — и выигрывает сражение, берет высоту, отесняет противника, идет вперед. Если результат велик, то и причина должна быть велика. Как бы ни было велико нравственное воскресение и последующее соблюдение христианских заповедей, в христианских идеях достаточно силы для того, чтобы это произошло.

Роберт Мюррей Макшейн,
еще один духовный сын Чалмерса

Сила Евангелия дает послушание Евангелию.

Смысл Евангелия в том, что оно успокаивает совесть грешника и очищает его сердце. Важно понимать, что недостаток в одном вызывает недостаток в другом. Наилучший способ изгнать нечистое желание — заменить его чистым, а любовь ко злу — любовью к добру. Чем больше свободы дает Евангелие, тем больше оно освящает. Чем глубже человек поймет благодать Евангелия, тем глубже Евангелие очистит его. В этом кроется один из секретов христианской жизни: чем больше человек нуждается в Боге, тем больше Бог ему дает. Если за основу взять принцип «делай и будешь жить», то ничего кроме страха человек не будет испытывать. Строгость законнической сделки лишает человека доверия Богу. Творение, пытающееся соответствовать всем требованиям своего Творца, на самом деле лишь удовлетворяет свои эгоистические желания и не стремится к славе Божьей. И как бы человек ни старался во всем повиноваться, в его повиновении нет души, его ум не подчиняется закону Божьему, да и не может в такой ситуации. Только когда в соответствии с Евангелием принятие Богом — это дар, дающийся без платы и без денег, только тогда человек может доверять Богу так, что это доверие ничто не может поколебать. Человек испытывает близость Бога так, как он

испытывает близость друга. Между Богом и человеком устанавливаются открытые и блаженные отношения: Бог с радостью делает добро для человека, человек обнаруживает все большее удовлетворение в новой нравственной жизни. Спасение по благодати, спасение как дарованное благо, спасение не по делам, а по милости Бога — такое спасение необходимо не только для избавления от справедливого наказания, но и для избавления сердца от тяжкого греховного бремени. Оставьте хотя бы клочок законничества, и вы ставите под сомнение отношения между Богом и человеком, вы лишаете Евангелие силы сокрушать и примирять. Поэтому чем благодатнее Евангелие, тем оно сильнее. То, чего многие боятся как семени антиномизма, на самом деле является семенем нового духа и нового послушания закону. Вместе с благодатью Евангелия приходит любовь к Евангелию, которая уменьшается в той мере, в какой уменьшается благодатность Евангелия. И никогда грешник не испытает такой нравственной трансформации, какую он испытывает, когда верит, что спасен по благодати. Он испытывает сильнейшее внутреннее побуждение отдать свое сердце Богу и отвергнуть нечестие. Чтобы выполнить работу как можно лучше, вы пользуетесь самыми лучшими инструментами. Я надеюсь, что сказанное мною в какой-то мере поможет тем из вас, кто хочет добиться успеха в исполнении слов Иоанна, но при этом чувствует, что мирские желания держат его, как в тисках. Мне не известен другой способ изгнать мирскую любовь из сердца, кроме как наполнить сердце любовью к Богу; и нет другого способа наполнять свое сердце любовью к Богу, кроме как держаться нашей святой веры. Отвержение мира, невозможное для человека, отвергающего Евангелие, возможно — как и все остальное — человеку верующему. Пытаться выполнить слова Иоанна — все равно что пытаться выполнить работу без подходящего инструмента. Вера же действует любовью. Чтобы изгнать из сердца любовь нарушать закон, надо

открыть дверь для любви соблюдать закон.

Будучи пастором, Чалмерс всегда страстно желал служить телу, разуму и душе своего стада

Представьте, что человек стоит на границе двух миров: один из них, наш мир, зеленеет травой, колосится обильными урожаями, земля благословляет человеческие семьи всеми возможными дарами, а солнечный свет наполняет весельем счастливых обитателей этого мира, которые дружны между собою. Так выглядит один мир. Представьте себе, что другой мир, находящийся за пределами этой благословенной планеты, погружен в тьму и неизвестность. Как вы думаете, захочет ли человек покинуть мир света и красоты и поселиться в ужасающей пустоте и во мраке? Оставит ли он населенные города ради того, чтобы стать одиноким путником среди безрадостных полей? Если внешнее пространство обещает ему лишь пустыню, неужели он откажется от близких его сердцу мест, от радости общения, от тех привязанностей, которые так сильны в нем? Разве он не будет держаться обеими руками за жизнь, исполненную смыслом, деятельностью, людьми? Убегая от пустоты, окружающей наш мир, разве он не постарается задержаться на этой земле и найти себе убежище под

серебряным небосводом, распростертым над его головой?

Однако давайте представим, что пока он сравнивает эти два мира, мимо него проплывает благословенный остров, на котором обитают искупленные. Он вдруг видит свет неизъяснимой славы и слышит прекраснейшую мелодию, его взору предстают еще более прекрасные урожаи на каждом поле и более чистое веселье в каждой семье, а также мир, благочестие, доброта, которые несут радость каждому сердцу, объединяют всех людей взаимной любовью пред очами одного благого Отца всех обитателей этого мира. Представим себе, что он также замечает, что в этом мире нет ни боли, ни смерти, и что — и это самое главное — повсюду развешены плакаты, приглашающие присоединиться к этому миру, и приготовлены пути для того, чтобы попасть в него. Разве теперь то, что казалось пустыней, не превратится в желанную страну, а земной мир разве не покажется пустыней? Чувства, которые не может вызвать пустынный космос, может вызвать мир красоты и счастливых людей. И как бы ни было привязано сердце к близким и дорогим ему местам на этой земле, если человеку все же откроется картина другого прекрасного мира, будь то через веру или через обычное зрение, тогда, не нарушая законов, по которым действует его нравственная природа, он умрет для настоящего мира и оживет для мира возвышенного, находящегося пока вдали.

